Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Русская загадка в Фонде Яна Михальского

05.06.2026.

Екатерина Шишкова. Без названия, декабрь 1938 г.Графитный карандаш и цветные карандаши на бумаге (тетрадь).© ProLitteris, Zurich / Collection de l'Art Brut, Lausanne Photo : Claudina Garcia, Atelier de numérisation – Ville de Lausanne

Лозаннская «Коллекция ар брют», созданная Жаном Дюбюффе, отмечает в этом году свое 50-десятилетие. По этому поводу часть собрания представлена сейчас в Фонде Яна Михальского в Монтрише.

Всем известен французский художник и скульптор Жан Дюбюффе (1901-1985), отличавшийся не только хорошим здоровьем, но и невероятной плодовитостью: в общей сложности он создал около 10 000 произведений, многие из которых представлены в крупнейших музеях мира. Но возможно не все знают, что с

призванием он определился не сразу: уже окончив парижскую Академию живописи Жюлиана, Дюбюффе вернулся в родной Гавр и на целые семнадцать лет окунулся в семейный бизнес – виноторговлю.

Лишь в 1942 году он вернулся к рисованию, а через два года в парижской галерее Рене Дрюэна состоялась его первая персональная выставка. Позже, уже в 1960-х годах, он начал экспериментировать с музыкой и звуком и даже сделал несколько записей, однако главным делом его жизни осталась живопись. В Париже он сблизился с сюрреалистами, но, будучи не склонен к традиционным стандартам красоты, Дюбюффе вошел в историю искусства прежде всего как основоположник «ар брют» – искусства, которое можно называть «грубым», «сырым», «неотшлифованным» и даже «примитивным». По сути же речь идет о творчестве самоучек, часто душевнобольных, не признающих общепринятых эстетических норм или вовсе о них не знающих о них и использующих в работе любые подручные материалы.

Паскаль Вонлантен, без названия, 2015 г.Тушь и фломастер на бумаге [страница тетради].© CREAHM, Fribourg / Collection de l’Art Brut, Лозанна.Photo : Claudina Garcia, Atelier de numérisation – Ville de Lausanne

Существует информация о том, что на Жана Дюбюффе произвела глубокое впечатление книга Ганса Принцхорна «Художественное творчество душевнобольных», опубликованная в 1922 году. Эта первая работа немецкого психиатра стала и одной из первых попыток проанализировать творения людей с расстройствами психики. Книга была богато проиллюстрирована рисунками пациентов и свидетельствовала об уважении к ним автора, хотя Принцхорн и воздерживался от эстетической оценки этих работ и избегал термина «искусство».

Как бы то ни было, в 1945 году Жан Дюбюффе ввел термин ар брют в обиход для обозначения собранной им коллекции картин, созданных душевнобольными, детьми, представителями внеевропейских культур, которых тогда называли «дикарями»… В этом свободном от культурных и социальных условностей творчестве он видел «совершенно чистую, грубую художественную операцию, заново изобретенную ее автором на всех этапах исключительно исходя из собственных импульсов», - говорится на сайте Коллекции ар брют. Интересно, что в том же первом послевоенном году художник предпринял исследовательскую поездку не по своей родной Франции, а по Швейцарии, где знакомился с художниками, писателями и психиатрами – именно найденные тогда произведения и стали ядром будущей коллекции.

Алоиз Корба, [Записка незнакомке], после 1947 года.Чернила на использованной бумаге, 32 × 23,5 см. © Collection de l’Art Brut, ЛозаннаФото: Клод Борнан, мастерская оцифровки — город Лозанна.

Первоначально коллекция нашла приют в подвале галереи Дрюэна, а в 1949 году она уже «официально» выставлялась в ее залах в сопровождении написанного Дюбюффе своеобразного манифеста под названием «Ар брют вместо культурного искусства» (L’Art Brut préféré aux arts culturels). Далее – десятилетняя «вынужденная эмиграция» в Нью-Йорке, затем снова Париж. А в 1964-м – публикация первого выпуска серии *L’Art Brut* – издательского проекта, созданного Жаном Дюбюффе и посвященного

авторам, представленным в коллекции. Сам художник работал над первыми восемью выпусками, публикация которых продолжается по сей день – у меня есть знакомый, обладающий всеми вышедшими номерами!

В 1971 году Жан Дюбюффе передает всю свою коллекцию Art Brut, включающую около 5000 произведений, а также архив в дар Лозанне. В 1975-м в женевском издательстве Albert Skira вышла первая книга об Art Brut, написанная лозаннским искусствоведом Мишелем Тевоз по просьбе Жана Дюбюффе, а еще через год господин Тевоз стал первым хранителем коллекции, получившей «прописку» в одном из крыльев замка Больё в Лозанне. Так родился первый в мире государственный музей, полностью посвященный произведениям ар брют – в его постоянной экспозиции представлено более 800 работ. Удивительно, но лишь в 2018 году музей отважился на первую передвижную выставку: экспозиция под названием *Art Brut. Swiss Made,* посвященная ар брют в Швейцарии, была показана в Музее современного искусства Асконы и в Художественном музее Аарау. И вот теперь с некоторыми ее сокровищами смогут познакомиться посетители Фонда Яна Михальского в Монтрише – причем многие работы никогда ранее не выставлялись.

Цель этого фонда – удивительного пространства, созданного Верой Михальски-Хоффманн у подножия швейцарской Юры, – «поддерживать литературное творчество, поощрять чтение и открывать публике все формы письменного слова для чтения, созерцания и слушания».

Адольф Лани.Без названия,между 1914 и 1939 гг. © ProLitteris, Цюрих / Collection de l’Art Brut, ЛозаннаPhoto : Claudina Garcia, Atelier de numérisation – Ville de Lausanne

В данном случае речь идет о чтении и созерцании, и вполне логично, что для выставки в своих стенах сотрудники Фонда отобрали именно те работы, на которых в том или ином виде представлены рисунки и письмена из тетрадей и блокнотов, почти всегда – без названия. «Порой нечитаемые, вымышленные, иногда переплетенные с рисунками, эти формы письма, одинаково выразительные как пластически, так и поэтически, очерчивают пространство власти и свободы швейцарских «поэтов тени», авторов ар брют», - подчеркивают кураторы экспозиции, выбравшие для ее афиши работу 2015 года родившегося в 1957-м и ныне здравствующего Паскаля Вонлантена. Автор не дал ей названия, а я бы назвала ее «Вариация на букву "а"»

Признаюсь: я совершенно не ожидала, что среди ничего не говорящих мне имен вдруг блеснет… Schischkoff. Вот просто так, без имени, без дат жизни, листок со сгибом посередине, очевидно вырванный из тетради. Но датированный – декабрь 1938 года. На этом листочке – рисунки графитным карандашом и цветными карандашами: цветочки, ягодки, кораблик, пальма между пирамидами… Разнообразные зигзаги и черточки. И слова, слова, слова на русском, французском и английском языках, что позволяет предположить, что автор был человеком образованным и, вероятно, принадлежал к привилегированной среде: Russie, Катя, подать – надеть, never, St Raphael, Jehovah, anges, amor, Varsovie. И несколько раз, разными цветами, латинское vir – «муж», «мужчина», но может быть и «герой». Кто же автор – мужчина или женщина? И какая навязчивая мысль скрывалась за, казалось бы, беспорядочным набором слов?

Екатерина Шишкова, без названия, декабрь 1938 г.Графитный карандаш и цветные

карандаши на бумаге (тетрадь).© ProLitteris, Zurich / Collection de l’Art Brut, Lausanne Photo : Claudina Garcia, Atelier de numérisation – Ville de Lausanne

У человека, получившего, как я, классическое советское образование, при упоминании фамилии «Шишков» (она выглядит гораздо длиннее в транслитерации, ведь некоторые русские шипящие в латинице передаются сразу тремя буквами!) сразу возникает ассоциация: Пушкин. «Наше всё». «Евгений Онегин», глава VIII, строфа XIV, конец:

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Так заканчивается описание Татьяны, уже вышедшей замуж за Гремина, на балу в Петербурге. Описывая идеальную, в его представлении, светскую женщину, Пушкин использует французское выражение и обращается при этом к Александру Шишкову (1754-1841), филологу, государственному деятелю, адмиралу, президенту Российской академии, который выступал за очищение русского языка от заимствований и призывал заменять иностранные слова исконно русскими. Своим ироничным комментарием поэт дал понять, что в русском языке того времени не существовало точного аналога для этого французского понятия!

Разумеется, мне захотелось узнать больше о загадочном владельце тетради. Но как? «О мадемуазель Шишкофф известно немногое», – ответила на мой запрос сотрудница Фонда Яна Михальского Орели Бодрие и поделилась полученными от Коллекции ар брют сведениями:

«Шишкофф (даты жизни неизвестны)

Произведение, приписываемое «мадемуазель Шишкофф», представляет собой тетрадь с текстами и рисунками, датированную 1938 годом и созданную в психиатрической больнице Сери в кантоне Во (Швейцария). На каждой странице разворачиваются композиции, сочетающие тексты и фигуративные либо абстрактные рисунки, выполненные цветными карандашами или графитом. Религиозное измерение здесь очевидно, а библейские отсылки постоянно повторяются.

Автор чаще всего изображает дома, церкви и пейзажи – живой, уверенной линией, неизменно сопровождаемой надписями. Имена святых, названия городов, собственные имена и библейские термины распределены по странице и иногда соединены линиями и стрелками внутри динамичных графических композиций. Порой целую страницу занимает лишь плотный перечень слов, разделенных тире. Орнаментальные мотивы и символы также присутствуют на многих страницах этого загадочного цикла. В тетради также изображен православный крест, что позволяет предположить русское или балканское происхождение «мадемуазель Шишкофф».

Этой информации мне показалось мало. В «Газете и списке иностранцев в Монтрё, Веве, долины Роны и климатических курортов Романдии» и в «Литературном и спортивном журнале Лезена» за 1906 год я нашла упоминание «мадам Шишковой из России», во втором случае даже с уточнением - из Симбирска. В этом не было ничего удивительного. Еще до большевистской революции 1917 года Лезен пользовался мировой известностью благодаря лечению чистым горным воздухом и санаториям

для больных туберкулезом. Русское благотворительное общество Лезена, основанное между 1907 и 1910 годами для помощи состоятельным туристам из Российской империи, после 1917 года было вынуждено изменить направление своей деятельности: оно сыграло важнейшую роль, оказывая финансовую поддержку новым эмигрантам, нередко разорившимся и утратившим прежний социальный статус, а также предоставляя им место для общения и библиотеку.

На этом след обрывался. Однако я не привыкла останавливаться на полпути и решила обратиться в Архив кантона Во – а вдруг?

«Газета и список иностранцев в Монтрё, Веве, долины Роны и климатических курортов Романдии», 1906 г. Архив кантона Во.

Мне невероятно повезло! Мое письмо попало к архивисту Жилю Жанмоно, который оказался не только прекрасным профессионалом, но и человеком редкой отзывчивости. «Первые исследования различных источников, доступных в Архивах кантона Во, показывают, что речь, вероятно, идет о Екатерине Шишковой – российской подданной, родившейся 11 февраля 1900 года и находившейся в психиатрической больнице Сери с 2 сентября 1935 года по 1 мая 1962 года. Эта женщина была представительницей русской семьи беженцев, обосновавшейся в кантоне Во». К письму прилагалась фотография извещения о смерти другой Екатерины Шишковой, опубликованного в газете Feuille d’Avis de Lausanne, предшественницы нынешней 24 heures.

Ниточка потянулась, а Жиль Жанмоно смог и дальше размотать этот клубок более чем столетней давности. Через несколько дней я получила от него новое письмо: «В нескольких строках продолжу краткую историю семьи Шишковых, обосновавшейся в Швейцарии уже в 1910-х годах; мне неизвестно, стало ли причиной переезда в Швейцарию еще до революции состояние здоровья одной из дочерей (Елены) или же сама революция».

Некролог Леона Шишкова, опубликованный в газете 24 Heures 17 апреля 1979 года

В итоге нашей переписки и дальнейших изысканий господина Жанмоно вырисовалась такая картина.

Семья Шишковых состояла из:

— матери, Екатерины Шишковой, уже упомянутой в моем первом письме, родившейся 21 ноября 1868 году в Москве и умершей в Лозанне в 1953 году;

— Леона Шишкова, родившегося 18 августа 1894 года в Москве, получившего швейцарское гражданство в 1931 году, умершего в апреле 1979 года в Лозанне;

— Екатерины Шишковой, родившейся 11 февраля 1900 года в Москве, находившейся в психиатрической больнице Сери с 2 сентября 1935 года по 1 мая 1962 года и являющейся автором тетради с текстами и рисунками, датированной 1938 годом. Она скончалась в Лозанне 30 января 1984 г.;

— Елены Шишковой, родившейся 10 марта 1902 года в Москве, госпитализированной в психиатрическую клинику Сери с 20 июля по 4 декабря 1953 года и с 24 февраля по

28 марта 1960 года, а позднее – в психиатрическую больницу Бельвю в Ивердоне; она умерла 24 апреля 1979 года в Монтрё.

Женщины Шишковы не работали, никакой профессией не обладали. Муж Екатерины-старшей и отец троих детей остался в России.

Таким образом удалось установить имя и хотя бы дату рождения автора тетради, представленной на выставке Фонда Яна Михальского – Екатерины Шишковой (11 февраля 1900–30 января 1984). Узнать больше вряд ли удастся – обстоятельства хранения медицинских архивов в психиатрической больнице Сери привели к тому, что сохранилось только досье ее сестры Елены.

Фотографии Елены Шишковой были сделаны 21 июля 1953 г.

И тут выяснилось, что Тихон Игоревич Троянов, старейший русскоязычный адвокат Женевы, знал Леона Шишкова. Он подтвердил, что эта семья действительно была связана узами родства с тем самым адмиралом Шишковым, к которому обращался Пушкин в «Евгении Онегине». И приоткрыл завесу тайны распада семьи: по его воспоминаниям, супруг Екатерины Шишковой, офицер царской армии, после революции получил разрешение навестить жену и детей в Лозанне – под честное слово, что вернется. Не полагаясь, видимо, на слово офицера, представители новой власти на всякий случай взяли в заложники двух его остававшихся в России друзей. Разумеется, Шишков вернулся - он же дал слово!

Что было дальше, Тихон Игоревич не знал. Ознакомившись с делом Елены Шишковой из психиатрической больницы Бельвю в Ивердоне, где она пребывала с 17 апреля по 1 мая 1970 года и с 3 мая по 31 июля 1970 года), Жиль Жанмоно узнал из содержащейся в нем биографической справки, что Елена почти не знала своего отца, «расстрелянного в 1931 году в Москве большевиками». Во время революции «она вместе с матерью и старшей сестрой нашла убежище в Швейцарии».

… Выставка «Письмена ар брют» будет работать в Фонде Яна Михальского до 30 августа 2026 года, так что у вас есть возможность побывать на ней и вблизи рассмотреть странные работы неизвестных художников – у меня есть ощущение, что грустные истории скрываются за каждой из них, надо только потянуть за ниточку…

[музеи Швейцарии]
[частные фонды Швейцарии]
[Фонд Яна Михальски]

Source URL:
http://www.rusaccent.ch/blogpost/russkaya-zagadka-v-fonde-yana-mikhalskogo